

ХРАМ И НЕКРОПОЛЬ В ПАРФЯНСКОЙ НИСЕ

(Из работ ЮТАКЭ)

В северо-западной части городища Новая Ниса в 1936 г. при выемке грунта обнаружены остатки строений, которые были расчищены в том же году А. А. Марущенко. Зачистки выявили участок стены, остатки погребальной камеры I в. до н. э. и следы штукатурок, как бы отпечатавшихся на поверхности смежных кладок. Раскопками 1946—1949 гг. здесь была вскрыта целая группа сооружений, относившихся к заупокойному культу парфянской аристократии и установлено наличие пескольных этапов застройки ансамбля в пределах парфянского времени¹.

¹ См. М. И. Вязьмитина, Археологическое изучение городища Новая Ниса (Труды ЮТАКЭ, I, Ашхабад, 1949, стр. 147 сл.).

Самым ранним являлось сооружение, которое своим тыльным фасадом непосредственно примыкало к кладкам крепостной стены древней Нисы. По археологическим и стилиевым данным установлено, что постройка воздвигнута была около III—II вв. до н. э., что уж к I в. до н. э. она пришла в упадок, была частично разрушена и обстроена или перекрыта погребальными камерами парфянского некрополя, уровень полов которых на 1,5—2,5 м выше ее основания.

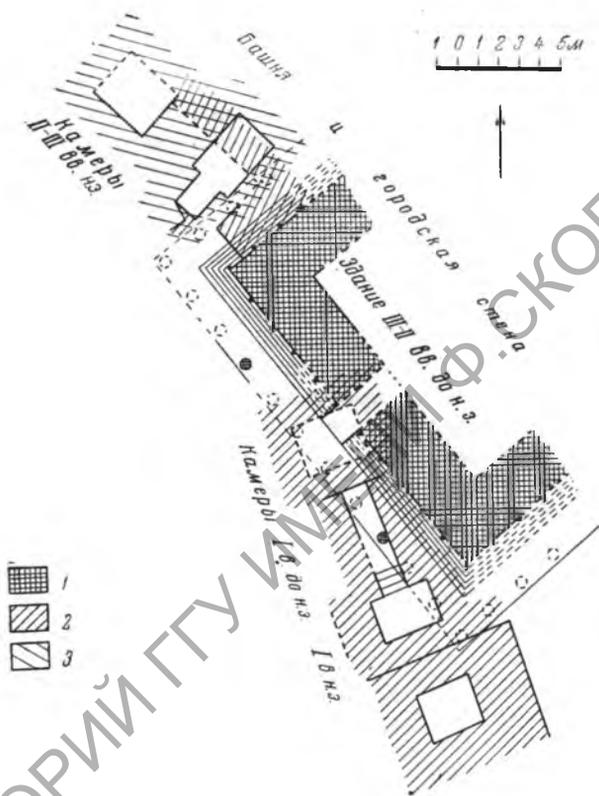

Рис. 1. План остатков сооружений парфянского некрополя в северо-восточной части городища Новая Ниса. Условные обозначения: 1 — сооружения III—II вв. до н. э.; 2 — сооружения I в. до н. э.; 3 — сооружения I—II вв. н. э.

Несмотря на чрезвычайную фрагментарность руин, сохранившихся лишь в виде отдельных участков архитектуры¹, в одном случае — в виде отпечатка стены на когда-то пристроенной к ней вплотную сырцовый кладке, детальное изучение позволило восстановить в графической реставрации первоначальный вид этого памятника и составить суждение о его архитектурном стиле (рис. 1).

Как показали раскопки, здание стояло впритык к крепостной стене города, в сторону которого оно было обращено главным фасадом. Сооружение покоилось на платформе высотой 80 см, возведенной из сырцовых кирпичей (40 × 40 × 12 см), сложенных на глиняном растворе и оштукатуренных глиной. Платформа была на 2,5 м вынесена относительно стен, пролет ее по главному фасаду равнялся 23 м. На сохранившихся участках обнаружены базы; ось их строго параллельна стене. Базы эти принадлежали колонному портику (айвану), наличие которого объясняет значитель-

¹ Во время землетрясения 6 октября 1948 г. рухнули последние немногочисленные остатки стен этого сооружения, сохранившихся на значительную высоту.

вый относ платформы относительно стен. Одна из баз сложена из типичного парфянского обожженного кирпича на растворе, оштукатурена алебастром и имеет форму крупного тора. Другая (сохранилась наполовину) имеет тот же торовидный профиль, но представляет собою блок зеленовато-серого песчаника, также со следами штукатурки на поверхности. Диаметр баз — 48 см, высота — 24 см.

Торовидные базы чрезвычайно типичны для архитектуры парфянской Нисы. Установлено, что обычно их применяли как в камне, так и в обожженном кирпиче, нередко в пределах одной и той же постройки. Они отмечены в помещениях и дворовых портиках Северного дома Старой Нисы. Большое число каменных баз было собрано на территории нисийского пригорода. Иногда базы имеют вид простого тора, с маленькой полочкой наверху. Нередко тор покоится на одинарном квадратном плите, иногда — на уступчатом. Материалом баз, помимо кирпича, служит камень местных копетдагских пород — зеленоватый или серый песчаник. Диаметр баз — от 40 до 90 см.

Торовидные базы чрезвычайно типичны для азиатского круга древних архитектур. Подобные базы обнаружены во дворце Ашшурбашипала в Куюджики и отмечены в изображениях колонн на ассирийских рельефах; они известны в скальных гробницах Пафлагонии; к ним типологически восходит так называемая «мидийская» база (Даидухтар, сер. VII в. до н. э.), в которой тор, однако, имеет сильно сплюснутую форму. Они встречаются в ахеменидских постройках Пасаргад и Насхи-Рустема. В парфянском зодчестве торовидные базы употреблены в храме Хурра, датированном III в. до н. э.; аналогичны им базы колонн на фресках Дура-Европос. Торовидные базы встречаются и в ранне-буддийской архитектуре первых веков до н. э. и после н. э. (ср. чаиты Карли, Насика и др.). За последние годы местонахождение торовидных баз установлено также в архитектуре государства Кушан и в Согде. Таковы торовидные базы из находок в Хадде, в Термезе, в Китабе, в постройках предарабского времени в Пенджикенте. Парфянская Ниса — лишь одно из многих мест распространения этого типа баз.

Генезис торовидных баз, дающих прием простейшей обработки каменного блока, безусловно, восходит к камню, как исходному материалу, и имеет стародавнее местное происхождение, причем употребление торовидных баз связано было с деревянными стойками. Каменные подушки подводились под деревянную опору, чтобы предохранить ее от непосредственного соприкосновения с землей и загнивания. Пережитком стародавней традиционной формы тора мы склонны считать шаровидный элемент («кузаги»), присущий среднеазиатским колоннам с эпохи средневековья и до последних дней. В колонном портике рассматриваемого здания Новой Нисы, а также в колоннадах северного комплекса Старой Нисы налицо одновременное употребление каменных и кирпичных баз, причем последние сохраняют форму тора. Кирпичам еще до обжига придавалась лекальная форма, повторяющая вчерне форму тора. База выкладывалась из двух рядов кирпича, оштукатуренных ганчем, по которому осуществлялась точная корректировка профиля.

Сами стойки рассматриваемого портика были деревянными. Число их по главному фасаду выясняется на основании сохранившихся баз, а также по несомненной расположению на углах платформы по одной колонне и по нечетному числу интерколумниев, поскольку на средней оси располагался дверной проход. При этих условиях устанавливается единственно возможное число — 12 колонн, при расстоянии между осями до двух метров. Высота портика выясняется благодаря наличию в кладке стены глубоких гнезд от деревянных балок его плоского перекрытия.

Оформление стены очень своеобразно. Она как бы расчленена на две половины. Нижняя, высотой 2,6 м, представляет собою род сильно развитой панели. Архитектурное оформление ее включает пятиступенчатое основание, полуколонки с капителями, вырезанными на плоской терракотовой плитке, и горизонтальную полосу фриза. Стена оштукатурена двойным слоем глины (толщиной в 2 и 1,5 см) и особым розоватым раствором алебаstra, с примесью крупногалечного песка, битой красноватой керамики и обожженного кирпича и окрашена в основной плоскости в малиново-красный цвет, с зашпаклеванной поверхностью. Употребление раствора, изготовленного на толченом кирпиче, постоянно рекомендуется Витрувием с тем, чтобы оштукатуренные части стен

не подвергались воздействию сырости (Витрувий, VII, 4, 1), что имело немаловажное значение при отделке наружных стен. Подобная штукатурка создавала в новонисийском здании также хороший грунт для окраски в красный цвет. Употребление последнего, по Витрувию, наиболее целесообразно в закрытых комнатах, так как под воздействием солнечных лучей гипсовый портится и темнеет. Для сохранения наружных красных штукатурок Витрувий предлагает способ покрытия их воском и деревянным маслом (Витрувий, VII, 10, 2—4). Лошение красных штукатурок в зданиях из Нисы, возможно, осуществлялось каким-то аналогичным способом. Если здесь и не употреблялась энкаустика, то во всяком случае применено было втирание жиров и механическое лошение. Остатки красных штукатурок из Нисы сохранили до наших дней чистоту окраски и мягкий блеск поверхности (рис. 2).

Рис. 2. Часть «красной стены»

Ступени, базы и стволы полуколонн, оформляющих «красную стену», окрашены в черный цвет, капители — в красный. Над ними тянется плоская черная полоса слегка выступающего антаблемента. Верхняя часть стены, возвышавшаяся над плоским перекрытием портика, была оштукатурена белым алебастром. Высота ее над гнездами балок достигала в максимально сохранившемся участке 2,5 м; повидимому, первоначально она была по крайней мере вдвое больше.

Красная стенка первого яруса стоит на ступенчатом основании. Колонки же ее прямо восходят к восточному прототипу ионийского ордера. Высота полуколонок равна 1,7 м при диаметре 15,5 см. Ствол прямой, базой служит простой плинт. Капители вырезаны на плоской терракотовой плитке размерами 23 × 13 × 3,5 см. Все они выполнены по одному образцу, но резаны индивидуально, от руки, а потому несколько отличны. Литевая поверхность была покрыта красным ангобом. Прикрепление осуществлялось на глиняном растворе и на двух штырях, для которых в плитке высверлены отверстия. На плитке отформована горельефная капитель ионического типа, с невысоким трапезовидным абаком, с упругой подушкой и троекратным раствором спиралью волот от круглого вдавленного глазка; в центре ее — восьмилепестковая розетка.

Употребление «праионийских» капителей устанавливается уже в архитектуре Ассирии (изображение колонн на рельефах). Применение их отмечено также в мидийском и ахеменидском монументальном зодчестве (колоны Кыз-капана и Да-и-духтара, датируемые VII—VI вв. до н. э.). Источник «восточной ионики» лежит в самостоятельном формотворчестве, восходящем к очень древним и крайне устойчивым формам народного деревянного строительства. Характерно, что в народной жилой архитектуре туркменского племени мурчали подбалки деревянных колонн доныне пережиточно сохранили форму «праионийских» капителей — с волютами, выгрезанными на лицевых поверхностях и баллюстрами на боковых.

Появление капителей ионийского типа в парфянской архитектуре было обусловлено их стародавним азиатским происхождением, а не участием греческих специалистов¹. Памятники парфянской ионики многочисленны: таковы, например,

¹ Мы уже указывали на неправильность мнения Э. Херцфельда (E. Herzfeld,

капители колонн храма из Хурра (III в. до н. э.), из Варки и Ашшура (I—II в. н. э.). В Варке установлено два варианта капителей — со сложноспиральными волютами (аналогичными капителям из Хурра) и с упрощенными завитками их¹. В настенных колоннах дворца в Ашшуре, капители которых выполнены из ступа, волюты представляют род боковых палепов, поддерживающих относ уступчатого абака. Все эти памятники показывают, что в этом элементе колонны сказывается радикальная переработка понижированной капители в духе древней традиции строительства местного населения в парфянскую и ахеменидскую пору. Оформление стен полуколоннами, перерабаты-

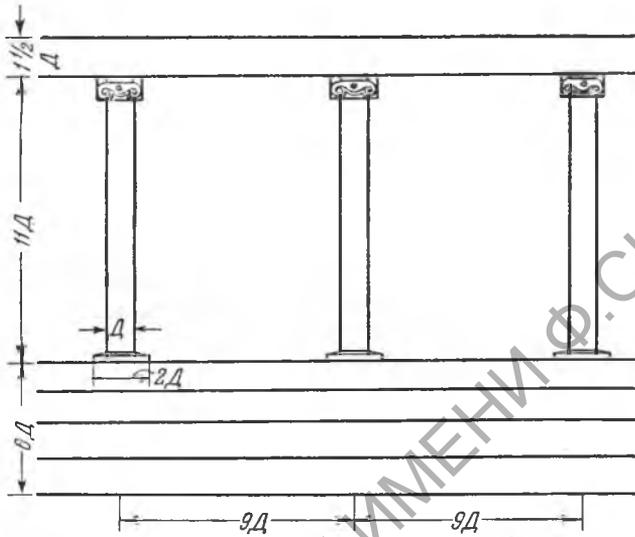

Рис. 3. Анализ пропорций «красной стены» (— модуль, равный диаметру полуколонны — 15,5 см)

вающими в локальных вагранах мотивы классических ордеров, отмечается в ряде памятников парфянской архитектуры (ср. храм в Варке², некоторые сооружения Хатры³).

Интересно отметить, что по общему стилю «ордер» красной стены повонисийского здания близок к колесняде пятиколонного ионического храма, изображенного на керченском надгробии⁴, а методы раскраски архитектурных поверхностей здания в Новой Нисе близки к росписи античных склепов Северного Причерноморья. В этой связи уместно подчеркнуть уже отмечавшуюся в литературе близость стиля керченских катакомб I—II вв. н. э. и парфянских погребальных камер Пальмиры⁵.

В «красной стенке» здания из Новой Нисы устанавливается наличие определенных модульных соотношений, причем модулем является диаметр полуколонны, который укладывается 11 раз по высоте колонны, 8 раз в ширеколонны, 6 раз по высоте ступенчатого стеребата (рис. 3). Важно подчеркнуть чрезвычайную стройность колонн (1 : 11), значительно превосходящих нормы ионического ордера греко-римской архи-

Iran in the ancient East, стр. 305—306), который считает парфянскую ионику результатом дегенерации греческих архитектурных форм («Труды» ЮТАКЭ, I, стр. 233—234).

¹ O. Reuther, Parthian architecture. «A Survey of Persian Art» (SPA), I, London — New York, 1938, стр. 93.

² J. Jordan, Uruk-Warka, Leipzig, 1928, рис. 30.

³ W. Andrae, Nitra, Leipzig, 1908—1912, I, рис. 123—126.

⁴ Л. П. Харко, О пятиколонном храме, изображенном на Боспорских монетах II в., ВДИ, 1950, № 1, стр. 203—205.

⁵ E. H. Minns, Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, стр. 308.

тектуры. Объясняется это не декоративным характером пристенных полуколонн, но приверженностью к местной традиции стройных колонн, которым присущи пропорции деревянных стоек. Характерно, что соотношения каменных колонн парфянского храма в Хурра дают аналогичные нормы — 1 : 11. Та же связь с деревянным прототипом объясняет и очень просторный интерколумний настенной колоннады здания из Новой Нисы.

При восстановлении несохранившихся архитектурных деталей на чертеже графической реставрации главного фасада пришлось руководствоваться некоторыми косвенными данными и стилиевыми аналогиями (рис. 4).

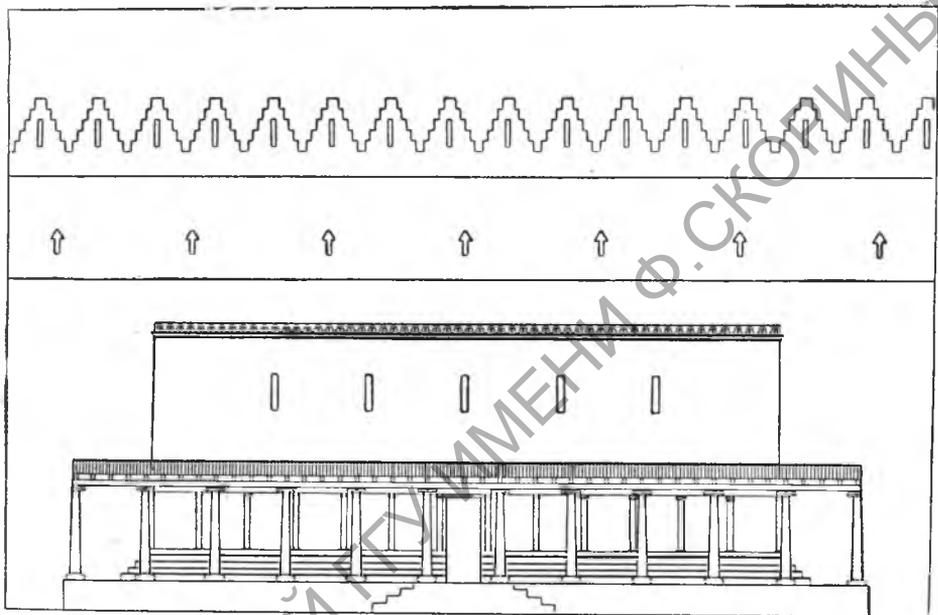

Рис. 4. Парфянский храм (реконструкция)

Так, реконструируя формы деревянных колонн портика, диаметр которых известен по верхней постели торовидных баз, а высота по гнездам над черной полосой фриза, мы придаем им слегка суживающийся кверху силуэт, что продиктовано естественной формой древесного ствола. Капителями, несомненно, служили плоские деревянные подбалки, обработанные по краям. Плоское перекрытие портика было, видимо, выполнено по типу обычной среднеазиатской глинобитной кровли. На колоннах покоился главный прогон с перпендикулярно опирающимися на него дополнительными балками-брусьями, концы которых заделывались в гнезда в стене. Поверх был наложен сплошной накат из дощечек или из тонких веток, который несколько раз промазывался глиной с саманом. Крыша имела небольшой скат для стока воды, местами были проложены водосбросы — желоба (при раскопках найден фрагмент такого гончарного желоба). Для того чтобы замаскировать скат крыши, по паружному краю ставился вертикальный ряд кирпичной.

Следов окон нет, но можно предположить наличие в верхней части стены узких световых проемов; щелевидная форма их диктовалась отсутствием остекления.

В завершении стены мы предполагаем наличие узорного парапета, составленного из терракотовых декоративных зубцов, подобных тем, которые в значительном числе были обнаружены при раскопках на Старой Нисе.

Ступеньки декоративного стереобата, оформляющего низ стены, прерываются в единственном месте — посредине; несомненно, что здесь располагался вход в помещение. Очевидно, в центре должна была находиться и лестница для подъема на плат-

форму. Мы реконструируем ее как лестницу с боковыми маршами, расположенными вдоль платформы, подобно лестнице в восточной части большого Южного комплекса Старой Нисы, лестницам Персеполя и др.

Стены здания достигают толщины до 2,5 м. Внутренние размеры его велики — около 13 м длины примерно на 5 м глубины. Было ли здесь несколько помещений, или одно, пока решить невозможно.

Назначение постройки почти несомненно культовое, на что указывает наличие в этом участке античной Нисы некрополя парфянской знати и особый, парадный характер архитектуры здания, при небольших сравнительно его размерах. Видимо, это был род заупокойного храма при наосах парфянской знати, которые первоначально воздвигались рядом, а к I в. до н. э. вплотную надвинулись и перекрыли пришедшее к этому времени в ветхость сооружение полуторавековой давности. Возведение парфянами храмов у крепостных стен отмечено в Дуре-Европос; в числе их, например, святилище Афлада, воздвигнутое прямо в укреплениях этого города¹.

В планировочном отношении повонисийский храм приближается к так называемому «храму А» парфянского Ашшур (SPA, I, рис. 109), заключающему два продолговатых помещения в мощных толщах стен. Еще более сближается он с парфянским храмом Гареуса в Варке. Последний также имеет невысокую платформу, к которой подводит четырехступенчатая лестница, колонный портик, глухую часть храма, как бы подразделенную надвое; небольшие пристенные колонки фланкируют стены храма (SPA, I, рис. 110).

Архитектурный облик нисийского храма весьма своеобразен. Оформление стен его лишь отдаленно напоминает группу одиночных построек в парфянской Хатре, по мнению В. Андре (не подкрепленному им, однако, никакой аргументацией), мавзолеев (W. Andrae, *Natra*, I, стр. 106). Эти здания, выстроенные в основном из камня или по крайней мере облицованные им, прямоугольны в плане, заключают от одной до семи комнаток и имеют единственный вход. Для архитектуры их характерно наличие высокого подиума; стены гладкие или оформленные плоскими пилястрами с капителями коринфизированного типа (W. Andrae, *Natra*, I, рис. 126). Архитектурные формы обнаруживают известную близость к строительным традициям восточноримских провинций. Напротив, нисийский храм воплощает принципы местной строительной культуры. Глина, как исходный строительный материал; колонный портик как специфическая форма среднеазиатского массового зодчества; особый вид колонн; колоритное сочетание тонов — красного, черного и белого — все это качества, связанные с традицией народного парфянского строительства и оригинальной переработки некоторых мотивов эллинистического зодчества.

В композиции храма четко выражен принцип фронтальности: в противовес античным периптерам, здание это вытянуто по фасаду, причем как бы фоном его служит плоскость увенчанной зубцами крепостной стены. Важным качеством его архитектуры является участие особых ордерных систем. Характерна двухъярусная композиция храма, вообще говоря, типичная для архитектуры эллинизма. Но если памятники эллинистического зодчества дают в основном примеры архитектурного расчленения объемов и стен на два колонных яруса, или на нижний ярус глухой и верхний колонный (Пергамский алтарь, алтарь Артемиды в Магнесии на Меандре, Арсинойон и др.), то синхронный им храм Повой Нисы дает картину иную: внизу — легкий колонный портик, приоткрывающий выдержанную в изящных пропорциях колоннаду «красной стенки», во втором ярусе — гладь стены, завершенной зубчатой линией фигурного парапета.

Несмотря на относительно небольшие масштабы, здание производит впечатление большой монументальности. Это достигается противопоставлением значительных гладких участков стены при тщательно разработанных мягких архитектурных деталях, использованием принципа крупного ордера при небольших габаритах «красной стен-

¹ M. Rostovtzeff, *Dura and problems of Parthian Art*, New-Haven, 1935, стр. 206—207.

ки», контрастом легкого портика и массивного параллелепипеда основного архитектурного объема, ритмическими членениями колоннад портика и «красной стенке». В нисийском храме нет подавляющей градиозности объемов и форм, как в монументальной древневосточной архитектуре. Его архитектурные детали, а главное, общее соотношение частей и целого вводят ощущение человеческого масштаба. В этом — новые качества, которые принципиально отличают нисийский храм от памятников архитектуры древневосточных деспотий, вводя его в круг сооружений «античности» — в данном случае восточнопарфянской «античности».

Уже к I в. до н. э. участок территории, прилежащей к храму, был использован под застройку комплексом погребальных камер парфянской знати¹. Исследованные

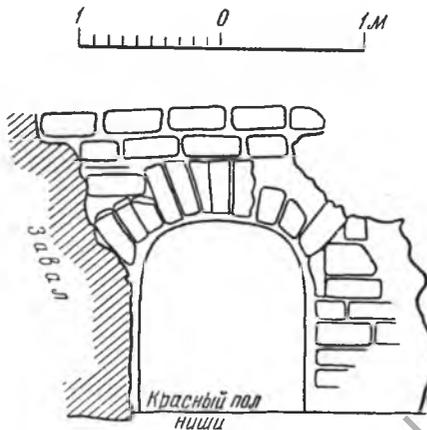

Рис. 5. Арка прохода, соединяющего две погребальные камеры

лишь для помещения на них остатков покойного и некоторого погребального инвентаря.

Позднейшая группа погребальных камер отмечается к северо-западу от храма, время сооружения их падает на II—начало III в. н. э. Здесь появляется новая камера, перекрытая коробовым сводом «отрезками» (пролет его равен 2,3 м). Затем эта камера закладывается на высоту 1,6 м от пола сырпом; новый пол вымощивается хрупкими плитками обожженного кирпича (44 × 31 × 5 см и 46 × 27 × 5 см). Вымостка полов продолговатыми плитками такого рода отмечена в греко-парфянских гробницах в Сузах².

«Красные камеры» Новьей Нисы являют интересный пример пока еще невыясненной системы мавзолеев восточнопарфянского погребального культа. Некоторые аналогии как будто дает ипогей некрополя Пальмиры, где вдоль продолговатого зала, перпендикулярно к стенам, расположена система узких, вытянутых, наглухо заделанных камер³. Подобное же распределение погребальных камер отмечается и в комплексах парфянских погребений в Дура-Европос⁴. Однако усыпальницы Нисы представляли не столь четкий архитектурный организм, как Ипогей, поскольку слагались они в течение нескольких столетий не по единому плану, но по мере необходимости.

¹ Датировка одного из захоронений уточнена находкой монеты Орода I (56—37 гг. до н. э.)

² J. de Morgan, Travaux en Tell de la citadelle. Fouilles à Suse en 1897/98, 1898/99. «Délégation en Perse. Mémoires», I, Paris, 1900, стр. 53.

³ R. Amy et H. Seyrig, Recherches dans la nécropole de Palmyra, «Syria», т. XVIII, Paris, 1936, стр. 229—266, табл. XXXII.

⁴ Fr. Cumont, Fouilles de Doura-Europos (1922—23), Paris, 1926, табл. CI—CIII.

В архитектуре нисийских погребальных камер важно отметить, во-первых, употребление уже в I в. до н. э. двух типов сырцовых сводов; в памятниках западнопарфянского строительства применение сводчатых конструкций падает лишь на первые века н. э. (O. Reuther, ук. соч., стр. 100—101); во-вторых, особую значимость ярко-красного цвета, видимо, игравшего в парфянском искусстве большую роль. Дальнейшие исследования парфянских погребальных сооружений Новой Нисы позволят выявить новые особенности парфянской архитектуры и обогатят наши представления о религии парфян.

Г. А. Пугаченкова